

ных школ и направлений, что, безусловно, сделало его одним из самых перспективных на сегодняшний день в американской русистике. Но отказ от глобальных научных конструкций, объемных исследований и поиска новых методик говорит о том, что ситуация научного кризиса в американском русистике все еще не преодолена.

В.Э. Лебедев (Екатеринбург)

Алгоритм диверсивности в постмодернистском историософском дискурсе

Основной характеристикой современной философии истории является провозглашение множественности и диверсивности, многообразия и конкуренции парадигм. В постмодернистском историософском дискурсе отсутствует все объясняющий единственный концепт в отличие от теоретических построений средневековья и эпохи модерна. Рационалистические общеисторические теории Нового времени, основывавшиеся на концепте прогресса, были направлены на обоснование исключительно идеи единства истории, у истоков развития которой находился провиденциализм, выступавший универсальным концептом средневековой историософии. Идея единства в ее рационалистической интерпретации усматривалась в целенаправленности, закономерности и поступательности всемирно-исторического процесса и вела в конечном итоге к обоснованию единообразия, одинаковости событий и исторических судеб народов.

Рационалистическая историософская интенция на гомогенность всеобщей истории была задана философией основателя современного рационализма Декарта, объявившей суверенитет мысли в «*Cogito ergo sum*». Декарт наделял познание человека определенной автономией, что способствовало как бы изыманию его из мира; связь познавательной деятельности человека с миром, в котором он живет, философ если не отрицал, то ею пренебрегал. Результатом этого явилось признание за разумом не только возможности, но и права создавать понятия в отрыве от реальности и ее специфики, создавать условный мир. Из признания участия сознания в конструировании мира явлений родилась его (сознания) нацеленность все переделывать и улучшить по правилам логики. Отрыв разума от истории и объявление его некоторой неизменной человеческой природой (субстанцией) обусловили восприятие единства исторического развития как его единообразия и установку на постижение глобального смысла человеческой истории, предполагающего однозначно предопределенный магистральный путь прогресса. Ориентация на целостное, завершенное видение истории (глобальные объяснительные схемы) приводила к потере человека как индивида и личности. Смысл всемирной истории оказывался не для него и не о нем.

“Возвращение” человека в историю осуществляется в постмодернистской историософии, и заслуга в этом во многом принадлежала основателю феноменологической философии Эдмунду Гуссерлю, несмотря на его безусловную связь с установками Нового времени. В феноменологии нашла выражение переориентация западной философии в вопросе о принципах понимания человеком мира. Именно Гуссерль выступил с утверждением, что в основе всех наших суждений о мире лежит активность выносящих эти суждения субъекта, что мир дан человеку только в актах его душевной жизни, актах его сознания. У Гуссерля содержится иное, по сравнению с классической философией, понимание связи сознания с внешним миром: субъекта гуссерлевской философии интересует не мир как он есть сам по себе, а

смысл и значимость его для субъекта. Философ вводит понятие «феноменологической редукции», смысл которого состоит в имплицитном предположении о том, что мир вокруг нас есть творение нашего сознания. Конечно, внешний мир существует объективно, но для нас он начинает иметь значение только через его осознание. Мир, который мы воспринимаем, становится миром внутри нас. Структурирование мира в нашем сознании невозможно без обращения к повседневным контекстам сознания, поэтому Гуссерль предложил понятие «жизненный мир».

Познающий субъект «возвращался» в историю через повседневную реальность — новое измерение человеческого мира. Обращение к повседневности стало императивом и для философии Гуссерля, искавшей в ней основание рационального, научного сознания, и для «философии жизни» (Ф. Ницше, В. Дильтей), восставшей против репрессивности разума и в целом против традиции классической философии, в которой обособивалась идея субстанциального единства истории. Повышенное внимание к повседневности — признак смены парадигм: классической на постклассическую, постсовременную. Разрушение хрустального замка философских абстракций и вплетение конкретного индивида в эмпирическое кружево повседневности были главной задачей, решаемой в рамках одного из крупнейших и влиятельных философских течений XX в. — экзистенциализма, философии существования (К. Ясперс, М. Хайдеггер), заимствовавшей много мыслей из «философии жизни» и феноменологический метод Гуссерля — описание смыслополагания. Идея «экзистенциальной историчности» о включенности человека в поток событий истории приводила к выводу о ее незавершенности, неокончателности.

Принципиальная незавершенность истории проецировалась как в прошлое, которое переосмысливается каждый раз по новому, так и в будущее, которое предстает в его вариативности, «открытости» спектру возможностей. Человек не познает смысл истории, существующий вне его, он его конструирует. Наблюдается лишь смена чередующихся смыслов истории. Такой подход присущ и философской герменевтике, основоположником которой является Х.Г. Гадамер, ученик М. Хайдеггера. Фундаментальную идею герменевтики Гадамер выразил в следующей формуле: истину не может познавать и сообщать кто-то один, процесс поиска смысла («сути дела») неотделим от самопонимания каждого интерпретатора. Согласно экзистенциально-герменевтической установке, человек, включенный в поток событий истории, не способен объективно и в завершенном виде понять ее смысловое содержание. Это, в свою очередь, породило идею множественности смысловых картин прошлого. Вместо глобального смысла истории признавался плюрализм ее смысловых интерпретаций.

Средоточие внимания на существовании, а не на сущности (едином субстанциальном начале), все большее перемещение интереса в сферу повседневности — туда, где непосредственно решается судьба человека, было обусловлено кризисным настроением, порожденным Первой мировой войной. В условиях, когда рационально организованная деятельность миллионов людей оказалась направлена на цели уничтожения, важной чертой сдвигов в общественном сознании стало распространение иррационализма — неверия в возможности человеческого разума. До сих пор истину искали у разума, теперь ее стали усматривать в противоположном: в до-сознательном, бессознательном, подсознательном.

К изучению иррациональных форм духовного опыта, наряду с философией существования, обратились психоаналитическая философия, основанная З. Фрейдом, который в комплексах бессознательных мотиваций (стремление к самоутверждению и сексуальные влечения) видел условие не только большинства психических действий человека, но всех исторических событий; и философская антропология М. Шелера с ее антитезой «порыва и духа», где «дух», то, что делает человека че-

ловеком, наслаивается на иррациональный стержень, «порыв», выступающий синонимом не только безудержного потока жизни, но также емким обозначением фактического хода истории во всех ее реалиях. Если бы в философии XX в. в связи с восстанием против гипертрофии рассудочности и абстрактного рационализма, несостоятельного перед запросами жизни, акцент делался только на нерациональных элементах (ницшеанская «воля к власти», аналогичный ей шелеровский «порыв», «бессознательное» Фрейда, «экзистенция» Хайдеггера, Ясперса, Сартра), то ее можно было бы охарактеризовать как антимодернистской, т.е. полностью порывающей с традицией классической философии.

Философская ревизия, начавшись с протеста против рационалистической гармонизации мира, была оправданной, так как нацеливалась на защиту жизни. Но коль скоро она перерастала в тотальное обличительство и шла «войной на уничтожение» разума, весь контекст борьбы менялся — нетрадиционная установка теряла свои преимущества. Она не преодолевала уплощенность и отвлеченность рационализма, но лишь противопоставляла одному отвлеченному началу другое. Бескомпромиссная борьба против репрессивности разума приводила представителей ряда философских школ к утверждению абсолютной бессмысленности истории, ее враждебности человеку (Франкфуртская школа — Т. Адорно, М. Хоркхаймер, «Новая философия» — Ж.-М. Бюна, Б.-А. Леви).

Ориентация на радикальный пересмотр философии Нового времени не была единственной. Ей противостояла линия на конструктивное пересмысление традиции философской классики, связанная с осознанием возможности и границ компетенции разума. Конструктивная полемика с представителями классической философии велась неокантианцами (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), неогегельянцами (Р.Дж. Коллингвуд, Б. Кроче), неопозитивистами (Б. Рассел, К. Поппер), неотомистами (Ж. Маритен, Э. Жильсон) и неопротестантами (Р. Нибур, П. Тиллих). Сосуществование двух противоположных ориентации в западноевропейской философии XX в. является свидетельством того, что она представляет собой философию не анти-, а постмодерна, содержательным ядром которой выступает принципиальный плюрализм.

В результате историософский дискурс постмодерна также характеризуется диверсивностью, сосуществованием различных парадигм. Константные, традиционные схемы (историософемы провиденциализма, прогресса, циклизма) коррелируются с нетрадиционными (психоаналитическими, структуралистскими, антропологическими) матрицами осмысления социально-исторической реальности. В последних в качестве предмета исследования выступают либо психология выдающихся лидеров, увлекающих мир в неожиданную плоскость культурного развития (психоанализ), либо инстинктивная природа человека, тяготеющего к тому, чтобы разорвать оковы цивилизации (философская антропология), либо некие, постоянно возобновляемые структуры исторического процесса (структурализм).

В рамках алгоритма диверсивности постмодернистской историософии (корреляции традиционных и нетрадиционных парадигм), предполагающего сопряжение идеи единства с идеей множественности смысловых картин прошлого, открывается возможность связать такие свойства истории, как единство и качественное многообразие (единство в многообразии). Диверсивный подход к постижению многомерности единства истории в значительной мере характерен для историософских построений религиозных мыслителей — П.Тиллиха, А.Тойнби, Ж.Ладрьера; у них провиденциалистская схема истории сочетается с экзистенциально-герменевтической установкой; представление о плюрализме смысловых картин прошлого «уживаются» с целостным видением всемирно-исторического процесса.

Таким образом, постмодернистский историософский дискурс, начавшись с восстания против универсальных схем истории, в рамках которых ее единство представлялось как единообразие, вывел на обоснование исключительного плюрализма смысловых картин прошлого, рассыпавшего целостное его видение на множество интерпретаций, и даже приводил к признанию полной бессмысленности исторического процесса. В целом, в историософии постмодерна сложился алгоритм диверсивности, позволивший связать такие свойства истории, как единство и качественное многообразие.

А.А. Линченко (Липецк)

Способы интерпретации в историческом исследовании

Традиционной уже стала оценка современной гносеологической ситуации как неоднозначной. Общекультурный кризис, смена типов рациональности на протяжении XIX-XX вв. от «классического» к «неклассическому» и «постнеклассическому» явились базой для определенного гносеологического плюрализма, что в свою очередь выдвинуло на передний план проблематику языка, сознания и интерпретации. В этой связи дискуссии вокруг вопросов о возможностях и способах понимания и истолкования прошлого приобрели особую актуальность. Вместе с тем, возникает вопрос о правомерности равноценного использования всех имеющихся интерпретационных стратегий. Постигание исторической целостности – важнейшая задача историка предполагает методологическую целостность особого свойства, которая предстает не столько в качестве единой мыслительной конструкции, снимающей прежние односторонности, сколько вбирающей их, с определенным ответственным осознанием границ каждой из них.

Важную роль в современной интеллектуальной традиции занимает философская герменевтика, трансформируемая Гадамером и Рикером в XX столетии из методологии наук о духе в философское направление и в универсальную среду философствования и знания вообще. Категории и методы герменевтического дискурса, проблематика интерпретации для которого является традиционной, позволяют высветить новые стороны проблем репрезентации и интерпретации исторического.

В общенаучном смысле под «интерпретацией» (от лат. Interpretatio – истолкование, разъяснение) следует понимать метод с фиксированными правилами перевода формальных символов и понятий на язык содержательного знания. Специфическое и основополагающее значение приобретает «интерпретация» в гуманитарном знании, выступая в качестве истолкования знаков и текстов, зафиксированных в письменном виде.

Оставляя в стороне логическую сторону теории интерпретации отметим ключевую составляющую интерпретационного процесса вообще и исторического, в частности, – понятие «интерпретанты». По определению Б.В. Григорьева – это «знак-схема, присоединяемая к объекту и упорядочивающая его содержание. Интерпретанта – прибор, инструмент, с помощью которой преобразуются знаки и возникают эвристические идеи». Одной из важнейших сторон интерпретации является ее аксиологический компонент, который выражается в онтологическом значении «общечеловеческих ценностей» и их оценки в каждой конкретной исторической ситуации.

Онтологическое значение феномена интерпретации, понимаемой в герменевтике как необходимый элемент бытия традиции (Гадамер), позволяет утверждать И.И. Евлампиеву его многоуровневый характер. Интерпретация существует